

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI 10.26163/GIEF.2019.20.91.041
УДК 316.7 + 314.74 + 316.732

I.B. Britvina, N.L. Zakharov

PROBLEMS OF INTEGRATION OF MIGRANTS BELONGING TO DIFFERENT ETHNIC GROUPS AND RUSSIANS

The work is funded by the Russian Foundation for Fundamental Research under project № 19-011-00467 “Separating cultural elements as factor of latent proneness to conflicts in interaction between migrants of different ethnic groups and Russians”

Irina Britvina – professor, the Department of Integrated Marketing Communications and Branding, Ural Federal University named after the first president of Russia B.N. Yeltsin, Doctor of Sociology, Yekaterinburg; e-mail: irina.britvina@urfu.ru.

Nikolay Zakharov – professor, the Department of Personnel Management, St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Sociology, professor, St. Petersburg; e-mail: zn129@mail.ru.

We analyze the problems of integration based on the range of surveys of Yekaterinburg residents and migrants from Central Asia. We reveal the characteristics of the attitude of the host community and migrants belonging to a different ethnic group preventing effective integration; contradictions within the process in question are also specified.

Keywords: migrants belonging to a different ethnic group; cultural barriers; cultural integration; Central Asia; survey; Yekaterinburg.

И.Б. Бритвина, Н.Л. Захаров

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ ИНОЭТНИЧНЫХ МИГРАНТОВ И РОССИЯН

Работа выполнена в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований «Разъединяющие элементы культуры как фактор латентной конфликтности при взаимодействии иноэтничных мигрантов и россиян» и поддержана грантом № 19-011-00467 РФФИ

Ирина Борисовна Бритвина – профессор кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, доктор социологических наук, г. Екатеринбург; e-mail: irina.britvina@urfu.ru.

Николай Львович Захаров – профессор кафедры управления персоналом, Санкт-Петербургский государственный экономический университет», доктор социологических наук, профессор, г. Санкт-Петербург; e-mail: zn129@mail.ru.

В статье на материалах ряда социологических опросов жителей Екатеринбурга и мигрантов из стран Центральной Азии анализируются проблемы интеграции. Авторы выявляют особенности позиции членов принимающего сообщества и иноэтничных мигрантов, которые не способствуют эффективной интеграции, а также противоречия в рамках этого процесса.

Ключевые слова: иноэтничные мигранты; культурные барьеры; культурная интеграция; Центральная Азия; опрос; Екатеринбург.

Задача интеграции россиян и мигрантов из других стран, адаптации приезжих поставлена в общенациональных проектах Российской Федерации и является проблемой сохранения безопасности на территории нашей страны. В силу того, что

значительная часть внешних мигрантов относится к этническим группам, не представленным на территории России, их культурная интеграция является существенной проблемой, разрешение которой имеет противоречивый характер. Так, например, российские авторы считают, что довольно острой является проблема сохранения культурных особенностей как мигрантов, так и россиян в процессе интеграции [2. С. 21]. С другой стороны, отмечается проблема наличия культурной дистанции между мигрантами и российским населением (различия в ценностях, вере, нормах поведения, в стиле общения), проблему незнания русского языка мигрантами из стран Центральной Азии [2; 5]. В ряду этносов, к которым россияне проявляют нетолерантное отношение [4; 6], находятся и представители титульных этносов стран Центральной Азии. Наши исследования также показывают, что екатеринбуржцы чувствуют более короткую социальную дистанцию только с казахами, а с другими этническими группами этих стран социальная дистанция является более длинной [1]. Такое положение дел обусловлено многими причинами. Так, например, российские эксперты говорят об очевидном снижении интереса к изучению русского языка в странах Центральной Азии, а также уменьшении в них российского культурного и образовательного присутствия в сравнении, в первую очередь, с американским [5. С. 53–54]. Повышается привлекательность Китая как альтернативного места трудовой миграции, что, в свою очередь, ведет к смещению культурного интереса к этой стране среди молодежи стран Центральной Азии.

Культурная интеграция является основой социального сближения групп, принадлежащих к разным этносам, и проживающим на одной территории. Культурную интеграцию мы выделяем наряду с общегражданской (общероссийской), социальной, экономической интеграцией, имея в виду понимание и принятие поведенческих норм и ценностей этнической культуры других групп, вынужденно или добровольно вступающих во взаимодействие в процессе адаптации друг к другу. Общегражданская и культурная идентичность внешних иноэтнических мигрантов и принимающего сообщества – это два полюса их взаимной интеграции и адаптации к меняющимся условиям.

Выводы статьи основываются на данных исследований, проведенных под руководством И.Б. Бритвиной: анкетный опрос жителей Екатеринбурга (№ 400) в 2016 году, опрос методом стандартизированного интервью мигрантов из стран Центральной Азии (№ 231) в 2017 году, данные качественных интервью с жителями Екатеринбурга (№ 33), с иноэтническими мигрантами (№ 19), с экспертами (№ 8).

На основе предыдущих исследований нами были выявлены культурные барьеры на пути интеграции мигрантов из стран Центральной Азии и жителей Екатеринбурга:

- наличие большой социальной дистанции между жителями территории и иноэтническими мигрантами из стран Центральной Азии;
- нежелание екатеринбуржцев менять свои культурные привычки, учитывая присутствие мигрантов (74,2%);
- негативно-безразличное отношение екатеринбуржцев к росту численности иноэтнических мигрантов в городе (85%);
- большой перечень требований, которые выставляют екатеринбуржцы к мигрантам, и в первую очередь – соблюдение российских законов (67,7 %) и знание русского языка (63,6%);
- формальный настрой мигрантов на изменение своих культурно-поведенческих привычек;
- отсутствие или слабый опыт взаимодействия екатеринбуржцев с мигрантами (лишь 43,7% екатеринбуржцев имеют мигрантов из Центральной Азии в кругу лиц, с которыми контактируют);
- стереотипное негативное отношение к некоторым этническим группам с обеих сторон;

- преимущественно негативный характер информации о мигрантах, транслируемой СМИ: более половины екатеринбуржцев являются носителями негативной информации о мигрантах (56,1%);

Екатеринбуржцы не знакомы с культурами этносов стран Центральной Азии (70,7%), не различают эти народы по языкам (76,1%) и по внешности (частично или полностью не различают 86%). В свою очередь, мигранты, исповедующие ислам, воспринимают дистанцию между культурой своего народа и русской культурой как более длинную: среди тех, кто считают, что их культура и русская культура разделены «как берега океана», 85% – это мигранты, исповедующие ислам.

Таким образом, чтобы продвигаться по пути интеграции, и принимающее, и мигрирующее сообщество должны культурно меняться, учитывая присутствие друг друга, но при этом не трансформируя собственную этническую идентичность, которая сильнее актуализирована у иноэтничных мигрантов, чем у россиян, что также может являться препятствием. У россиян на первом месте, как показывают результаты многих опросов [3], сильнее актуализирована общегражданская идентичность.

Мы попытались выделить проблемы в процессе культурной интеграции мигрантов из стран Центральной Азии и жителей Екатеринбурга.

В первую очередь, проблемой являются культурные характеристики самих мигрантов. Эффективная культурная интеграция иноэтничных мигрантов в России, в первую очередь, основана на знании ими русского языка, что является базой в успехах интеграции во всех сферах и направлениях. Эта проблема осознается принимающим сообществом в виде требований к мигрантам знать русский язык (63,6% опрошенных) и в общественных местах говорить только на русском языке (29,4%).

«Ну я считаю, что если они приезжают сюда, они должны и язык знать, ну хоть разговорный, и должны, по крайней мере, соблюдать законы того государства, в которое они приехали» (женщина, 64 года, Екатеринбург).

«...так что хотелось бы, чтобы знали язык прежде всего, ну и уважительно относились» (мужчина, 35 лет, Екатеринбург).

Опрос мигрантов показал, что их отношение к этой проблеме зависит от планов проживания в России. Так, 63% опрошенных высказали намерение получить российское гражданство, 47% – остаться в России на постоянной основе. Достаточно высокий уровень готовности к интеграции демонстрируют именно эти группы. К примеру, среди желающих остаться жить в России 90% согласны с необходимостью хорошо знать русский язык, 78,9% согласны с тем, что необходимо соблюдать российские культурные нормы, 92,7% согласны с необходимостью соблюдать российские законы. Однако, как показали результаты опросов и интервью с экспертами, готовность к интеграции тех, кто приезжает на временные заработки и не планирует остаться в России навсегда, гораздо ниже. Так, например, среди тех, кто согласен, что нужно хорошо знать русский язык, почти половина мигрантов (48,3%), желающих навсегда переехать в Россию, а тех, кто не хочет жить в России, в этой группе в разы меньше (15,1%). Опрос екатеринбуржцев также показал, что их требования к разным группам мигрантов отличаются.

«Те, кто хочет на постоянку, они должны меняться, полностью. Они должны понимать, что теперь они граждане не только той страны, из которой приехали, но теперь они и граждане той страны, в которую они приехали» (мужчина, 27 лет, Екатеринбург).

Проблемой является тот факт, что мигранты овладевают русским языком лишь в той степени, которая нужна для достижения установленных ими самими пределов. Широко распространена практика, когда неработающие женщины-мигранты не учат русский язык, общаясь в школах и больницах через мужей или детей. Также можно встретить примеры, когда в составе строительной бригады хорошо знает русский язык только один человек, как правило, бригадир, хотя остальные мигранты прожили в

России уже не один год.

Плохое знание русского языка ограничивает мигрантов в выборе мест работы, что снижает их доходы, а значит и социальный статус в России, т.е. ухудшает возможности интеграции.

«А в основном женщины таджички работают на низкооплачиваемых работах: это либо уборщицы (да, вот уборщица – это скорее всего), или фасовщицы в магазинах, если владеет языком» (женщина, Таджикистан, 42 года).

Остроту этой проблеме придает тот факт, что треть жителей Екатеринбурга считает, что принадлежность к одной социальной группе (32%), а также совместная работа (30,1%) способствуют нарастанию «похожести» иноэтничных мигрантов и россиян. Кроме того, отношение к мигрантам для части жителей города (28,7%) зависит от того, в какой сфере трудятся и какое рабочее место занимают мигранты.

Кроме знания языка для профессионального общения, иноэтничным мигрантам необходимо еще и профильное образование, однако не все они его имеют, поэтому вынуждены приобретать квалификацию в процессе трудовой деятельности. Те, кто имеет какое-либо профессиональное образование, должны еще иметь социальный капитал (сформированные социальные сети), чтобы применить его в России.

«Меня подружка позвала: “Приходи работай, деньги хорошо заплатят”, так говорила» (женщина, Киргизия, 53 года).

«У меня тут родственница была, и она нас сюда позвала» (мужчина, Киргизия, 22 года).

Таким образом, мигранты из стран Центральной Азии, испытывая проблемы с трудоустройством, берутся за любую работу, приносящую доход. Типичными являются случаи, когда, имея профессиональное образование, полученное на родине, мигранты работают не по специальности в сфере низкоквалифицированного труда. Например, мужчина из Таджикистана, имея среднеспециальное медицинское образование, в Екатеринбурге работает на стройке частного дома. Мужчина из Узбекистана со среднеспециальным техническим образованием также работает на стройке. Женщина из Киргизии, закончив на родине колледж, в России занимается уборкой в кафе. В итоге, даже образовательный багаж не дает возможности иметь достаточный социальный статус для культурного сближения с членами принимающего сообщества в России.

Общим для всех трудовых мигрантов из стран Центральной Азии является невысокий уровень цивилизованности в том смысле, как ее понимают местные жители, кроме того, многие приезжие мигрируют из сельской местности стран исхода, что отмечается жителями Екатеринбурга, осложняя интеграционные процессы.

«Есть такая фраза: “Можно человека выгнать из деревни, а деревню из человека нельзя”. Думаю, эта фраза очень хорошо подойдет [к мигрантам], но надо все-таки пытаться “деревню” выгонять» (мужчина, 28 лет, Екатеринбург).

Низкий уровень образования мигрантов является проблемой культурной интеграции еще и в силу того, что более трети жителей Екатеринбурга (35,3%) связывают свое отношение к мигрантам с их уровнем образования. То, что этот факт имеет культурные последствия, осознается и некоторыми образованными мигрантами.

«Мигрантов много, я признаю. Бывают не все они хорошие: и наглые, и те, кто вести себя не умеют из-за нехватки образования. Многие не знают, что, когда ты приезжаешь в другую страну, нужно принять все ее традиции, соблюдать их и вести себя так, как ведут себя в этой стране» (женщина, 26 лет, высшее образование, Таджикистан).

Внешний вид приезжих, бытовые особенности их жизни и поведенческие привычки также не соответствуют представлениям жителей Екатеринбурга о «культурной норме», ограничивая общение с ними как детей, так и взрослых.

«Но полы у них грязные, и сама их одежда, и то, как они выглядят... их внешний

вид. *Я бы не хотела, чтобы мой ребенок с ними в будущем общался, и сейчас я всячески стараюсь прерывать это общение»* (женщина, 37 лет, Екатеринбург).

«Отношусь к ним нормально, но чего я боюсь: они могут принести какие-то болезни, от которых у нас проводят какую-то профилактику, а у них нет... Отталкивает их неопрятность – то, что они зачастую ходят в грязной одежде» (женщина, 23 года, Екатеринбург).

Следующий блок проблем связан с обоюдной разницей в представлениях друг о друге. Обеими сторонами осознается разница в культурных обычаях и традициях, в ценностях, в поведенческих паттернах как в положительном, так и в отрицательном контексте. Причем оба контекста играют дифференцирующую роль в интеграционных процессах. Жители Екатеринбурга в первую очередь отмечают взаимоотношения полов и уважение к старшим в культуре мигрантов.

«Наиболее привлекательно в этой культуре то, что старших уважают больше, чем у нас, и прислушиваются к их мнению» (мужчина, 45 лет, Екатеринбург).

«Нельзя принять то, как они относятся к противоположному полу, к женщинам. Я все-таки больше за равноправие, чем за возвышение мужчин над женщинами» (женщина, 30 лет, Екатеринбург).

Сами приезжие прежде всего отмечают цивилизационные особенности России.

«Наша коррупция – проблема на первом месте. С этой проблемой в России как-то пытаются бороться, а у нас – нет» (женщина, 26 лет, Таджикистан).

«Вот пример. Он очень богатый, а со мной, когда мне работу дает, говорит как с равным... Вот именно в этом большая межнациональная разница» (мужчина, 46 лет, Узбекистан).

Стереотипизация представлений друг о друге обеими сторонами, когда гетеростереотипы играют дезинтеграционную роль, также является существенной проблемой.

«...потому что мы же понимаем, что помимо того, что приезжает дешевая рабочая сила, есть люди, которые приезжают с не очень хорошими намерениями сюда: наркотики, насилие, преступность» (мужчина, 27 лет, Екатеринбург).

«Конечно, после определенных моментов начинаешь более опасливо, боязливо даже скорее, относиться к мигрантам и ожидать от них чего-то заранее негативного и того, что тебе может не понравиться. То есть, когда видишь, что человек не принимает твою культуру, ты начинаешь на автомате не принимать и его культуру» (женщина, 22 года, Екатеринбург).

В ряду негативных стереотипов первостепенное значение имеет разница в конфессиональной принадлежности мигрантов и резидентов. Причем большую роль здесь играет не только стереотипизированная взаимосвязь ислама с терроризмом, а еще и пренебрежительное отношение к религии другой группы.

«Неуважение к нашей нации. ...Ну и немаловажный факт – религия. Очень важно, чтобы не оскорбляли чувства наших верующих, и мы не оскорбляли их чувства к их религии» (женщина, 30 лет, Екатеринбург).

«Я думаю, что в основе каждой культуры [лежит] религия, в основе [культуры] вышеперечисленных стран – мусульманство, мы – моя семья – являемся представителями православной культуры, поэтому это просто противоположная культура, в каких-то моментах мы друг друга просто не понимаем» (женщина, 22 года, Екатеринбург).

В итоге лишь треть жителей Екатеринбурга готовы считать мигрантов из стран Центральной Азии «вполне своими» и то при условии соблюдения ими российских законов. Мигранты слабо мотивированы на культурную интеграцию с россиянами, ограничиваясь присвоением общегражданской идентичности. Желаящие жить в России мигранты и приехавшие на временные заработки их соотечественники, культурно воспринимаются местными жителями одинаково. И все негативное, что

проявляется в нежелании временных мигрантов глубоко интегрироваться, распространяется в представлении горожан на всех мигрантов, что является еще одной проблемой культурной интеграции. Россияне, занимая позицию «хозяев», ждут от мигрантов видимых в бытовом и профессиональном поведении культурных изменений.

«Они приезжают в Россию. В России своя культура. Они ее как минимум должны учитывать и под нее подстраиваться» (женщина, 43 года, Екатеринбург).

Екатеринбуржцы готовы культурно меняться лишь отчасти, ради безопасности для себя и своей семьи. Обе стороны имеют слабую мотивацию к интеграции.

«В общем-то я бы не хотела сама с ними общаться, не хочу ходить к ним в гости, хотя они приглашают, не хочу обмениваться с ними какими-то презентами» (женщина, 37 лет, Екатеринбург).

Выделим ряд противоречий в процессах интеграции иноэтничных мигрантов и жителей Екатеринбурга.

Противоречие между приезжими и резидентами в отношении места и роли российской культуры. Так, 74,2% опрошенных жителей Екатеринбурга считают, что русская культура должна занимать ведущее место в нашей стране. Мигранты из стран Центральной Азии в первую очередь ценят многонациональность России и, соответственно, лишь 24,2% из них согласны с первенством русской культуры.

Противоречие между необходимостью принимающего сообщества взаимодействовать с мигрантами и отсутствием интереса к их повседневной культуре.

«Я не люблю с ними разговаривать о чем-то другом. Я, например, приезжаю в шашлычку, хочу поесть, и мне не интересно, что они там делают и какие у них праздники» (мужчина, 27 лет, Екатеринбург).

«...даже нет никакого желания увеличить свои знания об их культуре. В своей бы культуре разобратся нормально» (мужчина, 45 лет, Екатеринбург).

Противоречие между позицией принимающего населения «все люди, все одинаковые» и нежеланием сближаться с мигрантами ближе, чем «обслуживающий персонал» и «взаимодействия по работе».

«Ну да, я не хочу с ними дружить, я не согласен буду, если мой врач стоматолог будет таджик или киргиз... Даже если он хороший будет. Я не допускаю, чтобы учителем он был» (мужчина, 27 лет, Екатеринбург).

Противоречие между ценностями екатеринбуржцев (уважительное отношение к представителям других культур, вне зависимости от национальности или религии) и их эмоциональными высказываниями о «настороженности» по отношению к мигрантам «из мусульманских стран».

«Да я и ношу нож. Ребенку бы дал минимум перцовый баллончик. Но я бы хотел и оружие» (мужчина, 28 лет, Екатеринбург).

Перечень выделенных проблем и противоречий не является конечным, но в некоторой степени отражает общероссийскую ситуацию в интеграционных процессах иноэтничных мигрантов из стран Центральной Азии и местного населения. Считаем, что гипотеза о том, что основой интеграционных процессов является культурная интеграция, нами доказана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бритвина И.Б., Шумилова П.А. Культурная идентичность как результат идентификации иноэтничных мигрантов в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Социология». 2017. Т. 17. № 3. С. 317–326.
2. Дмитриев А.В. Конфликтогенность миграции: теоретические и практические проблемы // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 1(9). С. 16–29.
3. Дробижева Л.М. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России. 2017. Т. 26. № 1. С. 7–31.
4. Мукомель В.И. Ксенофобы и их антиподы: кто они? // Мир России. 2017. Т. 26. №

1. С. 32–57.

5. *Синицина И.* Экономическое взаимодействие России и стран Центральной Азии: тенденции и перспективы (Доклад № 5 Ин-та гос. управления и политики, 2012). Бишкек: Ун-т Центральной Азии, 2012. 93 с.

6. *Bessudnov A.* Ethnic Hierarchy and Public Attitudes towards Immigrants in Russia // European Sociological Review. 2016. Vol. 32. № 5. P. 567–580.